

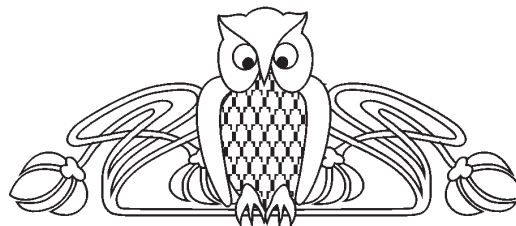
- ¹⁵ Об этом подробнее см. *Полозова И. В.* Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев : формы бытования в исторической перспективе. Саратов, 2009.
- ¹⁶ См.: *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971. С. 333.
- ¹⁷ См.: Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков / сост. текстов, пер. и общ. вступ. статья А. И. Рогова. М., 1974. С. 28.
- ¹⁸ *Владышевская Т. Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 76.
- ¹⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1 : Государев двор или дворец. М., 1990. С. 205, 206.
- ²⁰ *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 311, 312.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: *Ломтев Д.* Немецкий музыкальный театр в России. М., 2003. С. 13.
- ²³ *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 99, 115.

УДК 94 (47)+929 Блудова

ГРАФИНЯ А. Д. БЛУДОВА И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

О. В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена выяснению обстоятельств биографии и политического мировоззрения графини А. Д. Блудовой, принимавшей активное участие в общественной жизни России XIX в. Основу статьи составил анализ содержания записок и воспоминаний А. Д. Блудовой. Автор формулирует вывод о месте политических событий европейской истории рубежа 1820–1830-х гг. в складывании и эволюции особенностей политического мировоззрения А. Д. Блудовой. На примере взглядов и деятельности А. Д. Блудовой подчеркивается значение опосредованной коммуникации реформаторов царствования Николая I и идеологов Великих реформ.

Ключевые слова: гендерная история, мемуары, придворное общество, общественное мнение, теория официальной народности, славянофильство, А. Д. Блудова, Д. Н. Блудов.

Countess A. D. Bludova and her Memoirs

O. V. Kochukova

The article is devoted to the study of the biography and the political outlook of Countess A. D. Bludova, who took an active part in public life of Russia in the XIX century. The basis of the article is the analysis of A. D. Bludova's notes and memoirs. The author formulates a conclusion concerning the place of the political events of European history at the turn of the 1820–1830s in the folding and evolution of features of A. D. Bludova's political outlook. The author stresses the importance of reformers' communication during the reign of Nicholas I and the ideologists of the Great Reforms, using the example of activity and views of A. D. Bludova.

Key words: gender history, memoirs, court, public opinion, theory of official nationality, Slavophilism, A. D. Bludova, D. N. Bludov.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-17-24

Изучение биографий и мировоззрения политических и общественных деятелей, вероятно, никогда не потеряет научной актуальности. Применительно к истории России XIX в. следует подчеркнуть настоятельность персонального подхода к исследованию преобразовательного

процесса, имевшего длительную протяженность, со своими этапами, «скачками» и «перерывами», но и в то же время отличавшегося внутренним единством. Это единство объяснялось не только общими целями реформ и наличием на каждом этапе одних и тех же нерешенных проблем, но и субъективным фактором – преемственностью в мировоззрении и принципиальных подходах их идеологов и практиков, а также различными способами коммуникации (в том числе опосредованными) разных поколений реформаторов. Историческая роль российских реформаторов в настоящее время всеми признана; существуют исторические исследования, посвященные отдельным персоналиям, которые предоставляют возможность изучения реформ как итога и результата дискурсивных практик и мировоззрения их авторов. Но в этом направлении все еще остается много неисследованных сюжетов и тем, своего рода «белых пятен» историографии. Так, практически нераскрытой остается роль женщин в обсуждении и подготовке реформ – представительниц императорской фамилии, придворного общества, центров общественно-политической жизни и культурной элиты эпохи, которых можно бы было назвать «сподвижницами реформаторов». Среди них были императрица Мария Александровна, великая княгиня Елена Павловна, баронесса Э. Ф. Раден, А. Ф. Тютчева, М. А. Милютинина, В. С. Аксакова, графиня А. Д. Блудова и многие другие.

О графине Антонине Дмитриевне Блудовой (1813–1891), дочери государственного деятеля графа Д. Н. Блудова, занимавшего должности главноуправляющего Второго отделения, председателя Государственного совета и Комитета министров и игравшего одну из ключевых ролей в общественно-политической жизни России XIX в., с полным правом можно говорить как о недооцененной личности, оставшейся в памяти

современников и потомков, а также и в историографии, в тени славы своего отца. В исторической литературе, как правило, встречаются только отдельные упоминания личности А. Д. Блудовой в связи с указанием на роль представительниц образованного общества в славянофильских кругах¹. Внимание исследователей также привлекла благотворительная деятельность графини².

Между тем существует замечательный исторический источник, позволяющий в сочетании с отдельными свидетельствами мемуаров и переписки современников изучить взгляды и деятельность А. Д. Блудовой, принимавшей самостоятельное и далеко не второстепенное значение в общественно-политической жизни. Таким источником являются созданные графиней записки и воспоминания. Исследователи чаще всего обращаются к ним опять-таки в поиске свидетельств о личности и деятельности Д. Н. Блудова³. Распространенным стереотипом является мнение о том, что «Записки» Блудовой «описывают быт и литературную жизнь первой половины XIX века»⁴. На самом деле, такого рода описания составляют незначительную часть записок, а в основном их содержание относится к политической жизни России и Европы 1830-х гг. Воспоминания Блудовой носят ярко выраженный публицистический характер и предполагают их использование в исторических исследованиях через призму выявления политического мировоззрения их автора.

А. Д. Блудова работала над текстом воспоминаний около десяти лет, начиная со второй половины 1860-х гг. и заканчивая серединой 1870-х гг. Записки с самого начала создавались для публикации. Первая часть мемуаров была написана в 1867 г. В конце текста помещена подпись: «Зимний дворец. Февраль 1867 г.». На тот момент Блудова была камер-фрейлиной императрицы Марии Александровны и хозяйкой придворного салона в Зимнем дворце. Первая часть записок была опубликована в журнале «Заря» в 1871 и 1872 гг., а позже с дозволения автора перепечатана в 1889 г. в «Русском архиве». Продолжение воспоминаний Блудова писала начиная с 1871 г. и публиковала в «Русском архиве» (с 1872 по 1879 г.) Кроме того, записки Блудовой выходили отдельными изданиями, но уже в отрывках⁵. Таким образом, наиболее полная версия мемуаров А. Д. Блудовой представлена в десяти номерах «Русского архива»⁶.

Основу записок составили семейная переписка Блудовых и личные воспоминания автора о различных эпизодах своей жизни и о тех общественных явлениях эпохи, которые ей довелось наблюдать или быть их участницей. Самая большая часть от общего объема записок относится к периоду заграничного путешествия семьи Блудовых в начале 1830-х гг. Собственно воспоминания составляют первый «слой» текста записок и позволяют реконструировать ранний этап

становления мировоззрения Антонины Блудовой и атмосферу жизни русского образованного общества 1830-х гг. Но более значимым является второй «слой» записок, составленный из размышлений и оценочных суждений автора, относящихся к моменту написания текста. Можно сказать, что за строками воспоминаний возникает два образа и две личности – совсем еще юной, семнадцатилетней Антуанетты (так называли А. Д. Блудову родители) и умудренной жизненным опытом камер-фрейлины, писавшей записки в возрасте около шестидесяти лет, руководствуясь сложившимися политическими воззрениями.

В тексте записок нет четкого следования хронологии, ассоциативность мышления порождала развернутые экскурсы в различные исторические периоды. Это придает воспоминаниям Блудовой ярко выраженный публицистический характер и даже привносит в них некоторые черты исторического труда. Мемуаристка включила в текст сюжеты, не связанные с историческим временем ее жизни или с непосредственным участием и наблюдением, как, например, рассказы о русской истории XVIII в., о политических событиях в Западной Европе 1810–1820-х гг. Поэтому А. Д. Блудова использовала разнообразные источники: устные свидетельства очевидцев, сообщения и рассказы отца, выписки из газет и журналов, приводела фрагменты из научных трудов.

Заметной особенностью записок А. Д. Блудовой является проявленный автором интерес к проблемам внешней политики. Сюжетами для размышлений графини стали отношения России с западноевропейскими странами, славянский и греческий вопросы в международных отношениях первой половины XIX в., немало страниц посвящено осмыслению революционного движения на Западе, восстанию в Польше 1831 г. Незаурядная осведомленность в вопросах внешней политики не совсем совмещалась с традиционными представлениями о «женской сфере» общественной жизни. Привычный стереотип поведения женщины в рамках принадлежности ее к социокультурному пространству (девушки или женщины из дворянской семьи), как правило, не выходил за границы «женского обихода» (пусть и очень широко понимаемого, вместе с организацией интеллектуального общения и культурной жизни семьи или, скажем, аристократического салона). Проблемы внешней политики сравнительно редко являлись специальными темами в воспоминаниях и дневниках, созданных представительницами высшего света.

Если сравнивать записки А. Д. Блудовой с дневником Д. Ф. Фикельмон⁷ или воспоминаниями Е. А. Нарышкиной⁸ (достаточно известных представительниц петербургского света), то нужно признать, что в последних также уделяется внимание различным политическим темам, однако основную их часть составляют заметки о перипетиях великосветской жизни, личных отношениях

и т. п., о чем, напротив, практически ничего не сказано графиней Блудовой. Разумеется, воспоминания и дневники, написанные женщинами, могли приобретать выраженный «политический характер» в связи с исключительными обстоятельствами их жизни. В качестве примера можно привести мемуары, созданные польской и русской аристократками Н. Кицкой и Н. И. Голицыной во время вооруженного выступления поляков и Русско-польской войны 1831 г.⁹ В то же время составители современного издания этих воспоминаний подчеркивают, что мемуары Н. Кицкой отличает глубокая эмоциональная вовлеченность автора в происходящее, и ее «как женщину, занимают прежде всего люди и их нравственные побуждения», а Н. И. Голицына «в восприятии событий по-женски мелочна и по-женски же наблюдательна и при этом всегда верна своей среде и воспитанию», и в расстановке приоритетов уделяла большее внимание описанию бытовых неудобств как следствий обострения политической ситуации¹⁰.

Начиная с середины XIX в. получают распространение воспоминания и дневники, написанные женщинами очень по-новому, как бы с несоблюдением традиционного разделения «мужских» и «женских» сфер интересов. Аналитический способ изложения материала и сосредоточение внимания на вопросах преимущественно политических отличают, к примеру, воспоминания А. Д. Блудовой и М. А. Милютиной¹¹ или дневник В. С. Аксаковой¹². Тем не менее записки графини Блудовой обладают особой, присущей только им спецификой.

Пожалуй, по степени проявленного интереса к внешней политике воспоминания А. Д. Блудовой ближе всего к дневнику В. С. Аксаковой, созданному в период Крымской войны. Положение при дворе, близость к славянофилам и определение жизненных приоритетов в сфере общественной деятельности сближали личности А. Д. Блудовой и А. Ф. Тютчевой. Эти обстоятельства могут вызвать соображения относительно сопоставления записок А. Д. Блудовой и дневника А. Ф. Тютчевой¹³, но они не совпадают по хронологии отраженных в них событий. Кроме того, дневник А. Ф. Тютчевой можно считать своего рода рупором общественного мнения, отзывающимся на злободневные темы, в то время как в воспоминаниях Блудовой преобладают развернутые рассуждения, экскурсы публицистического свойства и стремление к созданию исторического труда. Эти черты (как и желание сохранить для истории достоверные факты, исторические свидетельства, вследствие чего в текст включались обширные фрагменты переписки) сближают записки А. Д. Блудовой с воспоминаниями М. А. Милютиной. Обе мемуаристки строили свои тексты, исходя из понимания исторической роли крупнейших государственных деятелей и реформаторов, с которыми их объединяли семейные узы (муж М. А. Милютиной – ведущий деятель

крестьянской и земской реформ Н. А. Милютин и отец А. Д. Блудовой – государственный ум николаевского царствования Д. Н. Блудов). Вместе с тем, важно то, что воспоминания Блудовой к личности отца «привязаны» гораздо в меньшей степени, чем Милютиной – к деятельности мужа. Это, конечно же, объясняется самостоятельной ролью графини Блудовой в качестве общественного деятеля. Впрочем, ее человеческая скромность, христианское смирение и налагаемые положением при дворе обязательства не позволяли акцентировать внимание на своей личности.

Текст записок графини Блудовой открывается следующим замечанием: «Берусь за перо, и оставивает меня сомнение: стоит ли писать записки или воспоминания, когда собственная личность не имеет никакого интереса для читателей, когда нет ничего занимательного в собственной жизни». Сославшись на счастливый и однообразный, «без всякого драматизма», характер прожитой жизни, Блудова выбирала для себя как автора позицию «зрительницы», наблюдавшей, размышлявшей, сопоставлявшей события и явления общественной жизни, которая, «конечно, иногда заглядывала за кулисы, но не играла никакой роли на театре общества или истории»¹⁴.

А. Д. Блудова родилась в 1813 г. в Швеции (в Стокгольме), где Д. Н. Блудов служил советником посольства. В Петербург семья возвратилась в 1814 г., а с 1815 г. Д. Н. Блудов стал активным участником литературного общества «Арзамас». Первые детские воспоминания Антонины Блудовой относятся к началу 1820-х гг. и в них воссоздается духовная атмосфера семейной среды, оказавшей наибольшее влияние на формирование ее личности. Антуанетта испытала самое благотворное воздействие «счастливого семейного спокойствия» и получила твердые жизненные принципы и убеждения под влиянием примера отца. Центром своего интеллектуального развития она считала привитую любовь к чтению, которое составляло в семье Блудовых «наслаждение и происшествие семейное», а покупка книг была единственным поводом к отказу от принципа экономии в финансовых тратах. Лучшими качествами отца А. Д. Блудова считала наличие «твердо сознанных убеждений» и самостоятельной независимой позиции, что обеспечивало обладание еще одним качеством – бережливостью, так как «в высших должностях надобно быть самостоятельным и материально независимым», следовательно, «необходимо всегда жить по своим личным средствам»¹⁵. Характер воспитания со стороны отца и то внимание, которое он уделял привитию моральных принципов, отражены в приводимых мемуаристкой фрагментах его писем к ней. Так, говоря о естественном стремлении человека к личному счастью, Д. Н. Блудов замечал: «Мы все больше или меньше можем находить его, ибо оно не во внешнем мире, а в душе нашей, в исполнении долга, во внутренних независимых от

рока наслаждения добродетели, постепенном и непрестанном совершенствовании нашего нравственного существа и в данных нам для того средствах»¹⁶.

Девизом семьи Блудовых было сохранение при всех обстоятельствах бодрости духа, веры в свои силы, «уверенности в достижении идеала». Графиня Блудова, которая писала об этом девизе в начале 1870-х гг., не могла избежать сопоставления нравственных идеалов своей молодости с качествами «современной молодежи» и отметила по этому поводу: «Сражение проиграно, когда прежде решительной минуты думаешь, что оно проиграно. Вот одно из главных зол и неисчислимый вред духа отрицания, духа сомнения, который так скоро растлевает человека и народы»¹⁷. Впрочем, А. Д. Блудова была далека от однозначного пренебрежительного отношения к новым веяниям современности и даже, напротив, душевную чуткость к ним считала непременным условием интеллектуального развития человека: «дорогая способность, даже в глубокой старости, принимать участие в стремлениях нового времени и жить современной жизнью во всем, что есть в ней хорошего и возвышенного»¹⁸.

Воспоминания детства и юности для Антонины Блудовой были неразрывно связаны с восхищением перед теми культурными и общественными деятелями, которых ей удавалось тогда видеть рядом с отцом, и прежде всего перед «веселым кружком арзамасским». Ей навсегда запомнились впечатления об «истинно просвещенном, красавце и баловне, с примесью фата» С. С. Уварове, Д. В. Дашкове «с возвышенной душой и сановитой нежной красотой», Ф. Ф. Вигеле «с раскаленными как угли глазами», А. И. Тургеневе «с широким лицом и тучной фигурой», А. С. Пушкине «с заливающимся, ребяческим смехом, с фейерверком остроумных и добродушных шуток»¹⁹. В кругу общения отца Антуанетта встречала и будущих славянофилов: А. С. Хомякова «с многосторонним образованием и светлой возвышенностью души», И. В. Киреевского, «живущего в отвлеченном созерцании духовного мира»²⁰. Но «душой всего отцовского круга» являлся «пленительный, почтенный образ Карамзина». Двенадцатилетней девочкой видела она великого историка и писателя в последний год его жизни, и всю последующую жизнь рисовалась ей в образе Н. М. Карамзина «какая-то особенная гармония в выражении, в голосе, в движениях, во всей наружности», которая была отражением «внутренней гармонии всех мыслей и чувств его нравственной природы»²¹.

«Политические» сюжеты появляются в воспоминаниях графини Блудовой начиная с середины 1820-х гг. Прежде всего, это строки о востании 14 декабря 1825 г. А. Д. Блудова отмечала в своих записках, что ее отец постоянно вращался «в кругу коноводов заговора», но о нем ничего не подозревал, и сохранила воспоминания о тяжелой атмосфере дней после 14 декабря, когда проис-

ходили ежедневные аресты и допросы близких знакомых семьи. Впрочем, она оговаривалась, что «у батюшки опасения были, так сказать, менее личные: это были опасения за самое состояние России, за спокойствие Отечества»²². А. Д. Блудова умалчивает о том, что события 1825 г. послужили началом взлета служебной карьеры Д. Н. Блудова и о том, что ее отец по рекомендации Н. М. Карамзина стал делопроизводителем Верховной следственной комиссии и подготовил ее доклад²³.

С началом царствования Николая I начинается новый этап в карьере Д. Н. Блудова и в жизни семьи. Впечатления юности Антуанетты с этого момента связаны с атмосферой придворного быта, детскими балами, общением с детьми царской семьи. Во второй половине 1820-х гг. члены семьи Блудова «по крайней мере раз в неделю бывали во дворце», а новый круг общения включает аристократические семьи Строгановых, Трубецких, Нессельроде²⁴. Но, разумеется, более важным является то, что после 1825 г. Д. Н. Блудов был вовлечен в ситуацию формирования нового направления развития общественной мысли и государственной идеологии, когда переосмыслению подвергались представления о власти, самодержавии, тайных заговорщических обществах и о народе. Новая роль Д. Н. Блудова как бюрократа и консерватора николаевского царствования, влияние государственной идеологии официальной народности определили дальнейшее складывание политического мировоззрения его дочери.

Текст записок А. Д. Блудовой заставляет предположить, что образ самодержца в ее сознании прочно ассоциировался с личностью Николая I, причем уважение, смешанное с восхищением, несколько не были поколеблены либеральными веяниями эпохи Великих реформ. «Вот он во всем блеске величия и красоты, во всей силе молодости, со всею бодростью духа для совершения великих начинаний, венчанный герой моего юного воображения, покоритель неверных, освободитель сербов, воссоздатель Греции! Потом... измученный, сокрушенный исполинскою войною со внешнею враждою и предательством, с внутреннею разоблаченной ложью, и наконец, убитый горем, на смертном одре...»²⁵. Уже данная цитата свидетельствует о том, что в оценках личности и правления императора Николая I, исходящих от графини Блудовой, преобладают отсылки к его внешнеполитическому курсу. Эти воззрения А. Д. Блудовой сформировались в значительной степени под воздействием международной ситуации начала 1830-х гг., и в данном случае свою роль сыграли не только мнения и суждения отца, но и самостоятельные наблюдения и размышления.

В 1830 г. семнадцатилетняя Антонина Блудова отправляется вместе с матерью, братьями и сестрой в заграничное путешествие. Это путешествие было вызвано необходимостью заграничного лечения для сестры Лидии. Молодая девушка

тяжело переживала разлуку с отцом, отрыв от привычной среды, мучительной была тоска по России («на меня стала находить тоска, болезненная, непомерная, по России»²⁶). Но главное, о чем хотела рассказать графиня Блудова читателю – «эти два бесконечные года, ознаменованные такими тяжкими общественными бедствиями»²⁷ для Европы и России.

Большая часть заграничной жизни семьи Блудовых в 1830–1831 гг. прошла в Берлине, но главными событиями, захватившими сознание А. Д. Блудовой, стали революционные выступления в Европе, и прежде всего Июльская революция во Франции. Жена и дочери А. Д. Блудова с жадностью поглощали информацию из газет, причем Антуанетта особенно интересовалась политической карикатурой²⁸. На самые первые известия о событиях во Франции сразу же последовала ее реакция в письме к отцу: «Что вы скажете о Карле X и о его уничтожении свободы печати? Говорят, чуть не сделалось восстание в Париже»²⁹. Следует иметь в виду, что уже к этому времени были сформированы монархические настроения А. Д. Блудовой и вопрос о преимуществе монархии перед народным суверенитетом был для нее несомненно решенным. Упоминание о возможной революции вызывало в сознании прежде всего «ужасы 1793 года». Ее любимым историческим лицом была дочь Людовика XVI и Марии Антуанетты герцогиня Ангулемская (Мария Тереза Шарлотта Французская), о которой в детстве проливали слезы, представляя ее в заточении и перед которой преклонялась все последующие годы («долгая жизнь, полная терзаний и угнетений, увенчанная, вместо царской короны, христианской добродетелью всепрощения и тихой покорности»³⁰). Тем не менее названный в письме Блудовой повод к началу революции (ущемление королем свободы печати) свидетельствует о понимании необходимости сочетания монархического правления с разумным ограждением свободы общественной жизни. И спустя многие годы, в тот момент, когда графиня Блудова писала свои воспоминания, она была уверена в том, что режим Реставрации являлся блистательным периодом привития «порядков самоуправления» к «монархическому преданию», когда «благоразумная свободная система политики пустила корни во Франции»³¹.

Размышления над текущими событиями во Франции и первыми действиями нового, «самого либерального из правительств» привели А. Д. Блудову к собственному выводу о содержании понятия «свобода» как лозунга революции и как политической реальности. В тексте своих мемуаров она приводила выдержки из семейной переписки Блудовых, относящиеся к таким фактам, как аресты редакций оппозиционных газет, произведенные новой властью и т. п. В этих письмах остался зафиксированным афоризм 1831 г.: «Определение свободы в 1831 году: свобода со-

стоит в делании другим того, чего не желательно, чтобы нам делали»³². К моменту создания записок, в 1870-х гг., графиня Блудова могла обращаться ко многим новым примерам «вспышек по всему пространству Европы» и вывела, можно сказать, формулу всех революций: «эти властолюбивые мечтания одних, эти человеколюбивые теории других, и это несчастное Панургово стадо, которое верит и увлекается, и падает в бездну преступления и страдания, и эти неповинные, принесенные ими в жертву за то только, что они считают себя вольными мыслить и чувствовать иначе, нежели те свободолюбцы, которые лютуют свободой только для себя и своих страстей»³³.

Неожиданным ударом для семьи Блудовых стало заставшее их в Берлине известие о восстании в Польше. А. Д. Блудова писала, что «в то время нашему семейству не приходила на мысль возможность переворота в Польше», так как они считали поляков, «скорее, балованными детьми государства, с их многочисленными привилегиями»³⁴. В тексте записок акцентировано мнение о том, что восставшие поляки собственными руками погубили предоставленную им Александром I конституцию.

Восстание в Польше, как известно, стало причиной возникновения полонофильства и русофобии в европейском общественном мнении, что очень болезненно воспринималось русским обществом. Семейство Блудовых успело испытать на себе характер настроений берлинского общества, чем объясняется следующая запись в мемуарах: «Забыли, что Познань такая же часть бывшей Польши, или, лучше сказать, самоуверенно полагали, что она уже довольно онемечена, и массы преданы правительству»³⁵. Тема европейского недоброжелательства к России и русским становится с этого момента характерной для политических воззрений графини Блудовой. С годами только крепло ее убеждение в том, что «непреложное право России: ставить свою честь и свое самосохранение выше интересов чужих, выше заносчивых требований мнимых союзников». «Да и то надобно помнить, – замечала она, – что европейские державы уважают одно только: силу»³⁶, а потому «сила и успех – вот единственные гарантии России от иностранцев; разумеется, не одни материальные, но и успехи умственные»³⁷. Позже, видимо, начиная с середины 1850-х гг. эта оценка международной ситуации с точки зрения интересов России была значимой причиной интереса А. Д. Блудовой к теориям и деятельности славянофилов и, в частности, к постулату об особой миссии России по отношению к славянскому (или вернее, православному греко-славянскому) миру. Впрочем, в своих записках она утверждала, что уже в восемнадцатилетнем возрасте, в 1831 г., после взятия Варшавы она «мысленно сочиняла манифест», в котором «ясно и откровенно» разъясняла полякам, что им не следует доверять европейцам, которые «всегда

стараются поселять раздор между славянами, потому что они боятся той грозной силы, которая составила бы из наших воинственных племен, если бы они все дружно соединились»³⁸.

Вполне естественным выглядит глубокий интерес А. Д. Блудовой к так называемому «греческому вопросу». Многие страницы ее записок напоминают исторический труд об освободительном движении в Греции 1820-х гг., о борьбе «партий» и об отношении к судьбам Греции России и европейских держав. Эти страницы написаны с привлечением исторических источников, выписок из газет и книг, и, самое главное, их автор проявила стремление к созданию обобщающей концепции относительно «греческого вопроса». Разумеется, в законченном виде эта концепция сложилась в представлении Блудовой уже в пореформенный период, но ее интерес к теме зародился еще в конце 1820-х гг., под воздействием впечатлений и известий о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Адрианопольском мире и обретении Грецией независимости. Уже тогда героем Антонины Блудовой был граф И. Каподистрия, личности которого уделено немало страниц в ее воспоминаниях, а во время заграничного путешествия семья Блудовых получила трагическое известие о его гибели. Графиня Блудова была уверена, что расстановка сил в политической элите Греции была предопределена влиянием западноевропейского и российского факторов международной ситуации, начиная с конца XVIII в. В записках подчеркивается роль «Греческого проекта» Екатерины II: «духовная связь наша с Европейским Востоком, не понятая на Западе Европы, была понята Екатериной Великой и пленяла ее ум, в то же время как согревала ее женское сердце»³⁹. К временам Екатерины Блудова возводила формирование «русской партии» в Греции. Но с 1793 г. другая часть греческой политической элиты получила «надежду на французов, которые провозглашали свободу повсюду и бросали свои армии на помощь всем, которые восставали где-нибудь против кого-нибудь»⁴⁰. Таким образом, для Блудовой было важно отделить в борьбе Греции за независимость элементы, связанные с политическим радикализмом и революционностью. Вместе с тем, по ее мнению, степень влияния той или иной «партии» в Греции зависела, прежде всего, от официальной позиции России. Мемуаристка подвергла критике внешнюю политику Александра I, впавшего в мистицизм, лелеявшего несбыточные мечты о всеобщем мире христианских государей и принесшего в жертву принципам легитимизма поддержку православных греков (император «жертвовал интересами самыми близкими России и народами искренно преданными ей» во имя ложной роли «всемирного посредника» в общих европейских целях). Таким образом, полагала Блудова, Александр I, который «выше всего дорожил миром в Европе» и не решился принять греческих депутатов во время Веронского конгресса, косвенно

содействовал усилению радикальной партии среди греков, тому, что «справедливое дело взяли в свои руки авантюристы и горячие головы»⁴¹. Характерна следующая фраза Блудовой: «В Вероне, где не приняли греческих депутатов, не понимали того, что лучше перемены осуществлять сверху, чем дожидаться, пока они произойдут снизу»⁴². Заимствование из знаменитой речи Александра II, произнесенной 30 марта 1856 г. перед предводителями дворянства, несомненное, только оно использовано в другом контексте.

В целом записки А. Д. Блудовой свидетельствуют о том, что способ осмысления европейских политических событий рубежа 1820–1830-х гг. оказал значительное влияние на понимание внешнеполитических и внутренних задач Российской империи. Первый вывод, который озвучен в воспоминаниях, о необходимости самостоятельного, независимого внешнеполитического курса России, основанного на приоритете достижения собственных целей, обеспеченного внутренней и международной силой, так же, как и ориентацией на поддержку родственного православного, греко-славянского мира. Второй вывод связан с пониманием особой исторической миссии России в эпоху бурных европейских событий; и здесь обнаруживалась глубокая взаимосвязь вопросов внутренней и внешней политики. А. Д. Блудова ссылаясь на мнение своего отца о том, что в конечном счете все революции в своей основе обусловлены нравственным состоянием нации: «Он полагал, что нравственный разврат, поклонение богатству и житейским наслаждениям, жадность к увеселениям, любовь к роскоши, лень и эгоизм составляют ту почву, на которой растут всевозможные плевелы и сорные травы, что на подготовленное в такой школе население легко действует всякая пропаганда революционная, и печатная, и устная, но, что среди здорового, деятельного человеческого общества, гораздо опаснее всяких политических сочинений те книги, зрелища и привычки, которые развращают нравы и уничтожают семью, которые ставят удовлетворение своих страстей выше долга и считают слово “обязанность” отсталым выражением»⁴³. Иными словами, в представлении Блудовых главная задача внутреннего развития России совпадала с формулировкой ее международной миссии и заключалась в защите нравственных ценностей, основанных на святости семьи, общественного долга, христианской морали. Но ясно, что путь развития страны в таком направлении должны были обеспечить не только государственная идеология и воспитание общественной нравственности, но и внутренние реформы. Некоторые страницы и сюжеты записок графини Блудовой дают возможность реконструировать ее представления о целях внутренних преобразований, социальной опоре государства и о том, какими «в идеале» должны быть сами реформаторы.

«Истинные реформаторы, – писала Блудова, – суть всегда олицетворение целой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предприятия; они проникнуты (иногда даже бессознательно) одним общим стремлением с массой, на которую действуют. А выскочки-благотетели человечества только губят в потоках чернил, если не крови, многие благие намерения»⁴⁴. Образцом такого реформатора для Блудовой, конечно же, был, прежде всего, ее отец, о роли которого в «совещаниях, предположениях и мероприятиях» николаевского царствования она упоминала, но не рассказывала подробно. Ей хотелось видеть совпадение с идеалом в «царственном реформаторе 1861 года», но сюжет о деятелях Великих реформ не был предметом ее воспоминаний по причине того, что в момент их написания он еще принадлежал современности больше, нежели истории. Исторические позитивные примеры реформ Блудова находила в петровских преобразованиях, а из европейских примеров ей наиболее интересны были реформы Карла фон Штейна в Пруссии (1807–1809). О последнем она говорила, что «его управление... положило основание восстановлению Пруссии и самосознанию всего немецкого народа; он поднял дух общества, примирил общее мнение с королем и умел посеять начатки новых лучших учреждений», которые «коренились в самой почве народа»⁴⁵. Иначе говоря, реформы должны иметь укорененность в национальных традициях, должны быть выдержаны в духе постепенности и консервативной народности («народность» как основной идеологический принцип, провозглашенный в царствование императора Николая) и в конечном счете содействовать сплоченности нации и государственной власти, а не нарастанию их противостояния.

Это понимание «народности» как коренного принципа консервативного реформизма вызывало постановку вопроса о формировании социальной опоры государства в многомиллионной крестьянской массе. Размышления над событиями европейской и русской истории приводили Блудову к мысли об особой роли крестьянского населения. Так, говоря об «ужасах революции» во Франции XVIII в., она упоминала «подвиг любви и верности», который в самые сложные времена совершало сельское население Вандеи. «Вообще сельское население всегда самое мирное (или, по нынешнему выражению, самое консервативное), везде предано, так сказать, лично своему государю, на которого смотрит как на посланника Божия, на олицетворение Отечества и вместе как на старшего и на главу семейства, то есть обширного семейства всего народа. Эти отношения развиваются и крепнут там, где много богатых и небогатых дворян живут большую часть года в своих усадьбах, в хорошем расположении к земледельцам, и где хлебопашество или рыбная ловля суть занятия масс, то есть там, где нет фабричного разврата, нищенства и сребролюбия

и куда не заезжают магнаты с своею роскошью и пустой жизнью»⁴⁶.

Нельзя не заметить, что приведенный фрагмент практически зеркально повторяет концепцию «мужицкого царства», защищаемую известным идеологом Великих реформ К. Д. Кавелиным, и, конечно, свидетельствует о близости графини Блудовой к среде так называемых «либеральных бюрократов». Во всяком случае, в тексте ее записок присутствует концепция крестьянской реформы 1861 г. как масштабной и беспрецедентной «революции сверху», осуществленной верховной властью в интересах защиты общественного спокойствия путем «обеспечения землею целых миллионов народонаселения». Блудова писала об «огромной силе того правителя, который мог, безбоязненно, перекрестясь, одним своим словом совершить всецелый переворот в своем крае, радикальную, социальную революцию, эту задачу, неразрешимую в Европе, где не хватает на нее взаимной между правителями и подданными веры, любви и смирения»⁴⁷. Мнение Блудовой соприкасается с историографическим сюжетом о роли консервативных компонентов в идеологии Великих реформ. Зарубежные исследователи, как правило, не признают либеральной основы мировоззрения «просвещенной бюрократии», полагая, что главным мотивом ее деятельности было сохранение институтов самодержавия и регулирующих, дисциплинарных механизмов государства и общины в отношении экономики⁴⁸. Многие современные российские историки склонны к подобной же точке зрения. И. А. Христофоров предлагает компромиссный подход, поскольку приходит к выводу об эклектичности мировоззрения идеологов и авторов крестьянской реформы (либеральные представления скорректированы влиянием романтического национализма, славянофильства, практикой менеджмента самодержавного государства)⁴⁹.

А. Д. Блудова принимала активное участие в обсуждении и подготовке крестьянской реформы 1861 г., в частности, организовав в конце 1850-х гг. эксперимент по освобождению крестьян в своем имении в Смоленской губернии⁵⁰, а в рамках придворного салона отзывалась на главные политические темы 1860–1870-х гг. Но эти сюжеты не были предметом ее воспоминаний и потому требуют отдельного исследования вопроса об участии А. Д. Блудовой (названной одним из современников «умственной герцогиней») в общественно-политической жизни эпохи Великих реформ.

Примечания

¹ См., напр.: *Левин III. М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974. С. 301–302, 336; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 51, 123, 124, 184.

- ² См.: *Родевич М.* Острожское женское училище графа Д. Н. Блудова // Журнал министерства народного просвещения. 1877. Т. 189. С. 57–71; *Дорофеев Ф. А.* Православные братства : генезис, эволюция, современное состояние. Н. Новгород, 2006. С. 145; *Поповкин А.* Графиня А. Д. Блудова и женская благотворительность в России 1860–1880-х годов. URL: <http://ruskline.ru/analitika> (дата обращения: 5.05.2015).
- ³ См.: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века : М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006. С. 13, 31; *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 24.
- ⁴ См, напр.: *Фикельмон Д. Ф.* Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ., сост., коммент. С. П. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. Комментарий. С. 615.
- ⁵ См.: *Блудова А. Д.* Записки. М., 1875; *Блудова А. Д.* Записки. СПб., 1878.
- ⁶ См.: Записки графини А. Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8; 1873. Кн. 2, № 11; 1874. Кн. 1, № 3; 1874. Кн. 1, № 4; 1875. Кн. 1, № 2; 1875. Кн. 2, № 6; 1878. Кн. 3, № 11; 1879. Кн. 3, № 11; 1879. Кн. 3, № 12; 1889. Кн. 1, № 1 (Далее ссылки на это издание записок А. Д. Блудовой с указанием только номеров «Русского архива»).
- ⁷ См.: *Фикельмон Д. Ф.* Указ. соч.
- ⁸ См.: *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей / вступ. статья, сост., коммент. Е. В. Дружининой. М., 2014.
- ⁹ См.: Война женскими глазами : Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов / сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М., 2005.
- ¹⁰ См.: *Бокова В. М., Филатова Н. М.* Польское восстание 1830–1831 гг. : взгляд с двух сторон // Война женскими глазами... С. 35, 37.
- ¹¹ Из записок Марии Аггеевны Милютиной // Русская старина. 1899. Т. 97, кн. 1–3; Подробнее см.: *Морозова Е. Н.* Историко-психологический портрет семьи реформатора (на примере семьи Н. А. Милютина) // Жизнь в городе : частная и общественная. Саратов, 2009. С. 38–42.
- ¹² См.: *Аксакова В. С.* Дневники. Письма / сост., подгот. текстов, коммент. Т. Ф. Пирожковой. СПб., 2013.
- ¹³ См.: *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Дневник (1855–1882). М., 1990.
- ¹⁴ Русский архив. 1889. Кн. 1, № 1. С. 39.
- ¹⁵ Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1218, 1219.
- ¹⁶ Там же. 1873. Кн. 2, № 11. С. 2118.
- ¹⁷ Там же. 1872. № 7/8. С. 1224.
- ¹⁸ Там же. С. 1225–1226.
- ¹⁹ Там же. 1889. Кн. 1, № 1. С. 39. С. 62.
- ²⁰ Там же. С. 65.
- ²¹ Там же. С. 63.
- ²² Там же. 1875. Кн. 2, № 6. С. 182.
- ²³ См.: *Долгих Е. В.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁴ Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1228.
- ²⁵ Там же. 1889. Кн. 1, № 1. С. 65–66.
- ²⁶ Там же. 1872. № 7/8. С. 1289.
- ²⁷ Там же. С. 1244.
- ²⁸ Там же. С. 1254.
- ²⁹ Там же. С. 1250.
- ³⁰ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 747.
- ³¹ Там же. С. 752.
- ³² Там же. С. 713.
- ³³ Там же. 1879. Кн. 3, № 11. С. 365.
- ³⁴ Там же. 1872. № 7/8. С. 1284, 1292.
- ³⁵ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 730.
- ³⁶ Там же. 1875. Кн. 2, № 6. С. 184.
- ³⁷ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 732.
- ³⁸ Там же. 1878. Кн. 3, № 11. С. 348.
- ³⁹ Там же. 1875. Кн. 2, № 6. С. 159.
- ⁴⁰ Там же. С. 160–161.
- ⁴¹ Там же. С. 174–176.
- ⁴² Там же. С. 176.
- ⁴³ Там же. 1872. № 7/8. С. 1258.
- ⁴⁴ Там же. 1889. Кн. 1, № 1. С. 95–96.
- ⁴⁵ Там же. 1873. Кн. 2, № 11. С. 2132, 2136.
- ⁴⁶ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 745.
- ⁴⁷ Там же. С. 731.
- ⁴⁸ См., напр.: *Lincoln W. B.* In the Vanguard of Reform : Russian Enlightened Bureaucrats 1825–1861. Illinois, 1982; *Уортман Р. С.* Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
- ⁴⁹ *Христофоров И. А.* Судьба реформы : Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
- ⁵⁰ См.: *Кочукова О. В.* «Справедливость требует спросить самих крестьян» : опыт диалога либеральных реформаторов с крестьянами накануне реформы 1861 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 18–19.